

РЕЦЕНЗИИ

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 211–220.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2026. Issue 1 (25). P. 211–220.

Научная статья

УДК 930 : 94(4)"04/09"

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-211-220>

О МАРКСИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ: MARXISM AND MEDIEVAL STUDIES: MARXIST HISTORIOGRAPHY IN EAST CENTRAL EUROPE

**Кирилл Алексеевич
Юрьев¹**

¹ Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия, kirill.yuriev2012@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-0787-3254>

**Елена Валерьевна
Ермошина²**

² Воронеж, Россия, na_podskoke@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0007-7349-0441>

Аннотация. Данная работа анализирует коллективную монографию «Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe», написанную европейскими и американским авторами. Основа анализируемой книги была опубликована ещё в 2020 г. на чешском и польском языках. Эти статьи перевели на английский язык, дополнили главами о румынской, венгерской и югославской историографии, таким образом, получилось рассматриваемое в рецензии издание. Подобная ситуация не нова для серии, в которой опубликована книга. Перевод на английский язык статей от носителей языка не повлиял на содержимое, за исключением некоторых тонкостей, которые получили критическую оценку. Авторы разбирают ситуацию в польской, чешской, венгерской, румынской и югославской историографиях, подмечая характерные черты развития исторической науки в каждой стране: в 50–60-е гг. XX в. Это: советское влияние (которое оценивается негативно), внедрение марксистской методологии в исторические исследования, что влекло за собой ограничение исследовательского потенциала в научных изысканиях и разработку тем, на которые ранее учёные не обращали внимания (такие, как социальная история и т. д.); в 70–80-е гг. историки Восточно-Центральной Европы чувствовали себя более свободно, зачастую могли, как критиковать работы Карла Маркса и Фридриха Энгельса, так и выходить за рамки марксистской методологии. В конце авторы данной статьи разбирают ситуацию из книги, когда про советскую историографию главу написал исследователь не из стран СНГ, придя к выводу, что это разумный подход в случае конкретного издания. Также авторы этой работы отмечают перспективы дальнейших исследований историографии стран Восточно-Центральной Европы второй половины XX в., предлагая учесть контекст развития исторической науки в Советском Союзе.

Ключевые слова: марксизм, Средние века, славистика, историография, методология, Восточно-Центральная Европа.

Для цитирования: Юрьев К. А., Ермошина Е. В. *Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe* // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2026. Вып. 1 (25). С. 211–220. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-211-220>

Сведения об авторе: К. А. Юрьев – аспирант кафедры истории России, Воронежский государственный университет, 394018, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, Университетская площадь, 1;

Е. В. Ермошина – независимый исследователь, Россия, Воронежская область, г. Воронеж.

Scientific Article

UDC 930 : 94(4)"04/09"

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-211-220>

ABOUT MARXIST METHODOLOGY IN MEDIEVAL STUDIES. REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH: "MARXISM AND MEDIEVAL STUDIES: MARXIST HISTORIOGRAPHY IN EAST CENTRAL EUROPE

*Kirill A. Yuriev*¹
*Elena V. Ermoshina*²

---

¹ Voronezh State University,
Voronezh, Russia, kirill.yuriev2012@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0009-0787-3254>
² Voronezh, Russia, na_podskoke@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0007-7349-0441>

Abstract. This work analyzes the collective monograph *Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe*, written by European and American authors. The publication of the basis of the analyzed book, which is a collection of articles in Czech and Polish, took place back in 2020. The reviewed edition includes a translation of these articles into English and additional chapters on Romanian, Hungarian and Yugoslav historiography. This situation is not new for the series in which the book is published. The translation into English of articles by non-native speakers did not affect the content, except for some subtleties that received critical feedback. The authors examine the situation in Polish, Czech, Hungarian, Romanian and Yugoslav historiographies, the following characteristic features of the development of historical science in each country in the 1950s–1960s: the Soviet influence (assessed negatively), the introduction of Marxist methodology into historical research, which led to a limitation of scientific potential in research and the development of previously unexplored issues (such as social history, etc). In the 1970s and 1980s, historians of East-Central Europe felt more free, and were often able to criticize the works of Karl Marx and Friedrich Engels and go beyond the framework of Marxist methodology. Finally, the authors of this article examine the case of a chapter on Soviet historiography written by a researcher from outside the CIS, concluding that this is a reasonable approach for this publication. The work also notes the prospects for further research of East-Central European countries in the second half of the 20th century, proposing to take into account the context of the historical science development in the Soviet Union.

Keywords: Marxism, the Middle Ages, Slavic studies, historiography, methodology, East-Central Europe.

For citation: Semenчук, KA 2026, 'About Marxist methodology in medieval studies. Review of the collective monograph: "Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (25), pp. 211–220, <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2026-1-211-220> (in Russ.)

Information about the Author: *Kirill A. Yuriev* – postgraduate student of the Department of Russian History, Voronezh State University, 1, University Square, Voronezh, 394018, Russia
Elena V. Ermoshina – independent researcher Voronezh, Russia.

© Yuriev K. A., E. V. Ermoshina, 2026

В 2024 г. в издательстве Brill увидел свет девяносто третий том серии «East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450», посвящённой исследованиям Восточно-Центральной Европы в Средние века. Была опубликована коллективная монография под названием «Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe» («Марксизм и средневековые исследования. Марксистская историография в Восточно-Центральной Европе»). Часть глав выходила ранее на чешском и польском языках в издании «Marxismus a Medievistika: společnéosudy?» 2020 г., редакторами которого стали Мартин Нодл и Пётр Венцовски [7, с. 1–4], приложившие руку и к рассматриваемой в данной работе книге. Подобная ситуация не нова: в рамках серии уже выходили на английском языке целые монографии, выпущенные ранее на одном из европейских языков (в качестве примера можно привести работу немецкого историка Эдуарда Мюле, которая изначально была издана на немецком языке, а затем на английском [8, р. IV], или италоязычную диссертацию Мадаленны Бетти, тоже переработанную и изданную на английском языке [5, р. IX]). В рассматриваемой монографии присутствуют новые главы, а география работ более разнообразна (с. VIII–XIII). Хотя стоит уточнить: в содержании больше глав, посвящённых польской и чешско-словацкой историографии, а вот работ про венгерскую, югославскую и румынскую историю исторической науки мало, то есть ядро книги 2020 г. сильно выделяется.

Открывает рассматриваемую монографию вводная статья от редакторов, среди которых, помимо уже упомянутых ранее М. Нодла и П. Венцовски, присутствует Душан Зупка. В данной статье сформулированы задачи книги, она задаёт тон всем последующим работам своим критическим отношением к марксистским исследованиям и тезисом об изоляции национальных историографий в странах социалистического лагеря. При этом авторы статьи также отмечают, что главы книги посвящены частным вопросам историографии, которые развивались на общем фоне истории исторической науки того или иного периода. В данном случае следует отметить ту ответственность, которую взяли на себя авторы глав в этой монографии, так как это первая крупная попытка осмысления марксистской историографии стран Восточной Европы второй половины XX в. (с. 1–12).

Вильям Махан из университета Северной Аризоны (США) в своей рецензии на монографию отметил по поводу издания материалов от не носителей языка: «Все переводы на английский язык читаются легко, присутствуют лишь некоторые ошибки, которые не вызывают затруднений у читателя (пер. – К. Ю.)» [6, р. 144]. Однако нельзя вполне согласиться с американским исследователем: отдельные ошибки выглядят весьма странно для читателя. В частности, одно предложение из главы Юрия Стамати: «In the old libraries, bookshops, schools, and universities now purged of books authored by “class enemies,” the works of Marx and Engels began to appear; they were translated not only into Romanian but also in to the languages of “national minorities,” Hungarian, German, and Serbian» – «В старых библиотеках, книжных магазинах, школах, университетах, теперь очищенных от книг, написанных “классовыми врагами”, начали появляться труды Маркса и Энгельса; они были переведены не только на румынский, но и на языки “национальных меньшинств” – венгерский, немецкий и сербский (пер. – К. Ю.)» (с. 363). Следует ли понимать, что в послевоенной Румынии труды Карла Маркса и Фридриха Энгельса перевели на немецкий язык? Тогда возникает вопрос: с какого языка их переводили изначально? Судя по тону, в котором описываются реалии государства (с. 362–371), у читателя может возникнуть ощущение, что переводили Маркса и Энгельса с русского, а точнее, *советского* языка (что, конечно, вызывает вопросы к автору).

В рамках данного обзора несколько глав будет рассмотрено в рамках условных «страноведческих блоков», когда это возможно, так как расположение статей в самой книге не вполне соответствует данному критерию (что было бы логично). Хотя тут стоит признать, что некоторые работы имеют размытый географический характер, касаясь сразу нескольких стран. Комментарии дополнит беглый обзор развития исторической науки в той или иной стране в указанный ранее период. Создание последнего, вероятно, было для авторов задачей второстепенной (и потому они более сосредоточивали внимание непосредственно на теме). При этом книга на момент публикации является одной из крупнейших монографий в данной области – и в такой оптике будет, скорее всего, рассматриваться и в последующие годы, до появления более фундаментальной и значимой работы по теме.

Польская историография столкнулась с достаточно непростым вызовом после Второй мировой войны, так как часть восточных территорий вошла в Советский Союз, соответственно, изучение их истории стало проблемой советской историографии. А вот западные границы страны, наоборот, расширились за счёт земель Германии, поэтому историкам необходимо было переключиться на их изучение, чтобы доказать справедливость их вхождения в состав Польского государства. Таким образом, произошло перенаправление некоторых исследователей из восточных университетов в западные. Например, Генрих Ловмянский переехал из Вильнюса в Силезию, соответственно, сменив сферу научной деятельности с истории Великого княжества Литовского на историю раннесредневековых славян (с. 30–31).

Также под влиянием политического руководства Польской Народной Республики (ПНР) начались форсированные исследования в области начальной истории Польши, особенно бурно в этом плане проводились археологические изыскания (с. 115–152). Авторы статей в «польском блоке» рассматриваемой книги связывают это с националистическими настроениями, которые сохранялись в среде как руководства государства, так и самих учёных. Последнее достаточно интересно проявлялось в исследованиях гуситского движения на территории Силезии в трудах Эвы Малечинской, которая балансировала между позициями историка, работающего в рамках марксистской методологии, и учёного, мыслящего в рамках национальных категорий, сохраняя связь с наследием исследователей межвоенного периода (в её случае это львовская школа, и конкретно бывший учителем Малечинской Станислав Закшевский) (с. 175–188).

В целом, несмотря на утверждение марксистской методологии как основной в ПНР, многие историки смогли сохранить относительную независимость. Особую критику у авторов «польского блока» в рассматриваемой монографии вызвала эпоха сталинизма (рубеж 1940–1950-х гг.–1956 г.), так как именно в этот период следование марксистской методологии было строго необходимым требованием, а не способом извлечь больше информации из имеющихся источников, что отягощало исторические исследования, но не способствовало их развитию. После 1956 г. учёные, несмотря на давление властей, придерживались разных методологических основ (с. 16–17). Как отметил Тадеуш Павел Рутковски, польская медиевистика прошла сталинский период относительно спокойно. Причиной этого была сравнительно мягкая политика властей, так как после Второй мировой войны в польских университетах не произошло радикального обновления состава кафедр средневековой истории, а те историки, что там работали, смогли адаптироваться к требованиям властей (с. 46).

Несмотря на это на теле польской историографии марксизм оставил очень глубокую рану, ведь, как описал современную ситуацию в польской исторической науке Рафал Стобецкий, марксистская методология не используется большинством

польских исследователей XXI в., оставаясь характерной чертой работ узкого круга учёных. Он подытожил свою мысль следующим заявлением: «Однако в целом признание материалистического взгляда на историю и цитирование канонических авторов считается в сообществе историков чем-то постыдным. Хорошо это или плохо – это уже совсем другая история (Пер. – К. Ю.)» (с. 23). То есть впечатление о данном периоде в среде современных польских исследователей оставлено сугубо негативное, несмотря на новые возможности, которые открылись перед историками во второй половине XX в. Например, активные археологические изыскания, возможность навести порядок в хаосе исторического процесса при помощи марксизма и создать некую систему знаний (с. 15).

Позиции исследователей «чешско-словацкого блока» на этом фоне выглядят более умеренно, так как критика марксизма в их статьях не так резка. В частности, Йиржи Махачек выделяет в среде учёных марксистов псевдо-марксистов и неомарксистов. По его мнению, в Чехословакии существовало достаточно много исследователей, которые не разбирались в марксистской методологии, используя её в своих исследованиях исключительно для создания видимости следования линии партии. Зачастую этим страдали историки-коммунисты; к ним он отнёс Богуслава Хроповского (псевдомарксисты). А вот историки, которые не были коммунистами, в отдельных случаях могли глубоко понимать марксистскую методологию, создавая на её основе свои труды; к ним он отнёс Эвжена Неуступного, Владимира Некуду и Петра Чарвата (марксисты). После крушения Чехословакии марксистская методология в трудах местных историков начала новую жизнь, так как некоторые методологические конструкции не потеряли актуальности. Более того, чешская историческая наука начала активно включаться в поток западных научных исследований, где левые настроения сильны (с. 282–292). Таким образом, многие современные чешские исследователи отвергают антимарксистские настроения первых лет крушения Чехословакии (неомарксисты). Стоит отметить, что и сам Махачек является активным участником подобных процессов, так как черпает вдохновение в постпроцессуальной археологии, на которую оказала влияние марксистская теория [9, p. 167].

Вероятно, последний приведенный фактор является ключевым, когда мы рассматриваем взгляд современных чешско-словацких историков на работы их предшественников социалистического периода. Несмотря на критику, авторы заявляют, что современная историография многое заимствует из работ чехословацких коллег, о чём пишет Мартин Нодл, касаясь дискуссии Роберта Каливоды и Йозефа Мацека о характере гуситского движения: ранняя буржуазная революция, по мнению первого, и революционное движение, по мнению второго (с. 190–210). Или Тереза Йоханидесова, отметившая, что историографию социалистического периода, посвящённую истории средневекового искусства в Чехии, не следует игнорировать, несмотря на её очевидные негативные черты (идеологизация тезисов, ввиду чего произошла потеря их актуальности в современных условиях). Дело в том, что, по мнению исследовательницы, были и определённые позитивные черты в исследованиях того периода, а именно было положено начало изучению некоторых тем и вопросов, которые сейчас продолжают исследоваться (с. 68–85). Что любопытно, если в рамках польской историографии критиковался сталинский период, то поворотным моментом в чешско-словацкой историографии стал 1968 год – такого мнения придерживаются и Т. Йоханидесова (с. 84), и Й. Махачек (с. 284).

Отдельно стоит выделить дискуссию по поводу общественно-политического устройства Великой Моравии в среде чешско-словацких исследователей в

послевоенные годы. Как отметил Адам Худек, в данном случае социалистическое правительство Чехословакии было вынуждено использовать для легитимации государства великоморавский миф, который активно развивался в межвоенный период чехословацким буржуазным националистическим правительством, которое новой властью критиковалось. Хотя стоит уточнить: заимствование идеи у прошлого правительства произошло не полностью и в марксистской интерпретации. Что любопытно, чехословацкое правительство таким образом поддержало словацкие националистически настроенные круги, для которых существование идеи о высоком уровне развития Великой Моравии было важнее, чем для чехов. При этом словацкие исследователи к последним годам существования Чехословакии стали больше настаивать на националистической идее существования в рамках Великой Моравии чешской и словацкой частей, что сохраняется и в современной словацкой историографии. Более того, в дискуссии чешских и словацких исследователей первые настаивали на *протофеодальном* развитии Великой Моравии, а вторые – на *феодальном*. Данное противоречие смогло решиться при вмешательстве советской историографии, когда словацкие исследователи сопоставили тезисы советской науки (где Древнюю Русь в IX в. описывали как раннефеодальное государство) с великоморавской историей. Таким образом, Великая Моравия стала рассматриваться как раннефеодальное государство. Более того, словацкие исследователи акцентировали внимание на идее о ключевой роли Моравского княжества в становлении Венгерского государства Арпадовичей (с. 261–279).

Вероятно, это было одной из причин, почему оба автора статей «венгерского блока» посчитали социалистическую эпоху в развитии венгерской историографии больше негативным, чем позитивным периодом. Хотя Габор Тороцкай отмечает, что позиция по славянскому фактору в основании державы Арпадовичей поддерживалась историком-любителем Эриком Мольнаром, чьё влияние после 1956 г. стало уменьшаться, благодаря этому венгерские историки смогли высказывать позицию, противоречащую взгляду Мольнара. При этом сам автор отмечает, что поддержка Советским Союзом взгляда словацких историков и Мольнара – негативная черта венгерской историографии второй половины XX в., а вот обращение внимания на историю угнетённых слоёв общества и социальную историю – плюс социалистической историографии (с. 353–359). Подобные мысли выразил и другой венгерский автор Аттила Пок. Исследователь считает, что включение Венгрии в орбиту влияния Советского Союза и внедрение в историческую науку марксизма – всё это тянуло Венгрию на Восток, что негативно сказывалось на научных изысканиях, так как под влиянием этого политического притяжения искажилось много научных карьер (с. 50–66). То есть он соотносил Венгрию с Западной Европой, впрочем, данная идея, как пишет Тороцкай, очень активно развивалась в Венгрии в последние годы существования там социализма. Любопытный вывод на этом фоне сделал Г. Тороцкай: «К счастью, научная общественная жизнь постепенно стала свободнее после 1956 года, что позволило появиться достижениям, едва ли находящимся под влиянием марксизма,... Таким образом, следует искать баланс при оценке достижений этого историографического периода (пер. – К. Ю.)» (с. 358–359).

Развитие румынской социалистической историографии в описании Юрия Стамати на фоне предыдущих блоков выглядит вполне закономерно: сильное влияние советской историографии до смерти Иосифа Виссарионовича Сталина в 1953 г., попытки введения догматического марксизма, влияние идей Николая Яковлевича Марра, выделение особой роли славян в румынской истории. После смерти Сталина началось ослабление советского влияния, параллельно набирал силу румынский национализм. Хотя и позитивные стороны были, например, в

период раннего правления Николая Чаушеску историки себя чувствовали более свободно, практикуя *гибкий марксизм* с умеренной критикой Маркса и Энгельса (с. 362–381).

Любопытное исследование провёл Флорин Курта, сравнив судьбы четырёх исследовательниц из разных стран – Чехословакии (Людмила Красовская, Татьяна Штефановичова) и Югославии (Мирьяна Чорович, Паола Корошец). Рассматривая марксистскую историографию с критической позиции, исследователь пришёл к выводу, что все они были важными фигурами в своих областях, первопроходцами с разной судьбой, но для трёх из четырёх исследовательниц марксизм не играл никакой роли в научных изысканиях. Как отмечает Ф. Курта, эти женщины находились на острие развития исторической науки того момента, соответственно, данная частность в виде «голоса женщин» подтверждает общий вывод о фиктивности марксистских воззрений большинства исследователей периода социализма (с. 332–333).

И, конечно же, отдельно стоит упомянуть главу Йитки Комендовой про взгляды Дмитрия Сергеевича Лихачёва в рамках советской историографии. Й. Комендова считает, что аргументы советского исследователя не менялись на протяжении всей карьеры, просто в разные периоды он делал новые акценты в соответствии с текущей политической ситуацией. Сама концепция Д. С. Лихачёва о «предвозрождении» в русской культуре, по мнению словацкой исследовательницы, смогла разъяснить причины особого развития русской культуры, но, с другой стороны, деление культур на развитые и менее развитые, по её мнению, не вполне соответствует гуманистическим взглядам.

В связи с главой Й. Комендовой также хотелось бы выразить одну мысль, которую, вероятно, следовало ждать от российского читателя монографии. Странно, что исследователи из разных стран представляют статьи на тему своей национальной историографии (Ф. Курта рассматривал историографию сразу нескольких государств, будучи членом научного сообщества США, не ограниченными рамками границ европейских государств). Так почему же единственная статья, где автор пишет не о собственной национальной историографии, связана с Советским Союзом? На этот вопрос напрашивается ответ: эта глава монографии перекочевала туда из книги 2020 г., о которой говорилось в начале рецензии [7, s. 3]. То есть в данном случае редакторы не отдавали эту тему Й. Комендовой из вредности перед российскими исследователями.

Также нельзя не отметить, что советская историография является сложным вопросом, который заслуживает отдельного всестороннего изучения. При этом исследователи разных постсоветских стран, которые, следуя логике рассматриваемой книги, должны как раз получить эту тему, зачастую имеют абсолютно отличный друг от друга взгляд на некоторые вопросы, что может спровоцировать большое количество дискуссий, едва ли возможных в рамках подобного рода изданий. Особенно острыми дискуссии могли бы быть на фоне политических событий, происходивших в первой половине 20-х гг. XXI в., когда шла работа над данной монографией, так как отношения России и Запада переживали этап охлаждения.

Также, рассматривая восточноевропейскую историографию второй половины XX в., невозможно обойтись без постоянных отсылок к советским исследователям, что показывают редакторы монографии во вводной статье, давая характеристику социалистической эпохе в науке в целом: «Академическая миграция и академический трансфер идей были весьма ограничены, за исключением советских наставников, которые также были активны в историографии и пытались навязать

знание советской истории польским, чешским, словацким, венгерским и румынским исследователям (пер. – К. Ю.)» (с. 1). Авторы отдельных глав также не отстают, критикуя советское давление в той или иной области. Однако было бы интересно исследовать помимо негативных примеров советского влияния также и позитивные, которые, вероятно, тоже имелись.

Более того, любопытен ещё один процесс, который в монографии упомянули вскользь, – влияние стран социалистического лагеря на Советский Союз в вопросе научных исследований. Например, за дискуссией чешско-словацких исследователей о характере социально-политического устройства Великой Моравии активно следили советские учёные. В посвящённой ей и археологическим изысканиям в Чехословакии статье Пётр Николаевич Третьяков написал следующее: «В правильной интерпретации общественно-политического строя этой державы (Великой Моравии – *примеч. К. Ю.*) заинтересована и польская историография, и специалисты по истории Древней Руси» [4, с. 72]. Более того, стоит отметить, что ближе к 70-м гг. XX в. советская и чешско-словацкая научные позиции в данном вопросе относительно синхронизировались. Хотя до вхождения Чехословакии в орбиту влияния Советского Союза тема социально-политического устройства Великой Моравии в советской историографии была не в приоритете (как в целом и сама история Моравского княжества). Об этом наглядно свидетельствуют публикации на данную тему: они появились только ближе к 1950-м гг. Причину этого стоит искать в утверждении, озвученным А. Худеком: Великую Моравию использовало «националистическое буржуазное» правительство Чехословакии в межвоенный период для легитимации нового государства, а характерной чертой советской историографии как раз и была критика этого самого «буржуазного национализма» [3, с. 67–78].

Нельзя не отметить, что некоторые черты в работах восточноевропейской интеллигенции, которые описали авторы рассматриваемой монографии, были характерны и для советских научных деятелей. Например, непростые отношения учёных с марксистской методологией. Как пишет современный российский исследователь Ольга Вячеславовна Павленко, «труды С. А. Никитина (советский учёный – *примеч. К. Ю.*) – позитивистские по своему содержанию, как и многие работы крупных советских историков...» [2, с. 87]. Более того, связь с русской дореволюционной историографией советские исследователи на раннем этапе развития советской науки не рвали окончательно [1, с. 57–58]. Значительный интерес представляли бы совместные исследования российских и европейских исследователей в данном вопросе. Подобный формат позволил бы раскрыть проблему на совершенно ином уровне, более комплексно.

Подводя итог, следует сказать: пусть «марксизм мёртв» в рамках средневековых исследований Восточной Европы, как заявляют М. Нодл, П. Венцовский и Д. Зупка в завершающей монографию статье, однако исследование наследия марксистской историографии имеет далеко идущие перспективы. Рассмотренная книга является одним из первых уверенных шагов на нелёгком пути изучения научных достижений второй половины XX в. Остаётся надеяться, что данное направление будет развиваться, учитывая, что исследователи той эпохи оставили чрезвычайно богатое наследие, которое трудно осмыслить в рамках одной крупной работы!

Список источников и литературы

1. Клюев А. И., Сवेशников А. В. Основные подходы к изучению истории отечественной медиевистики 1920–1940-х гг. // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 57–62.
2. Павленко О. В. Панславизм. Реальный и воображаемый. 1830–1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.
3. Санчук Г. Э. Великая Моравия в советской историографии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение / отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М.: Наука, 1985. С. 67–81.
4. Третьяков П. Н. Новые данные о Великоморавском государстве // Вопросы истории. 1961. № 5. С. 71–80.
5. Betti M. The making of Christian Moravia (858–882): Papal power and political reality. Leiden; Boston: Brill, 2014. 251 p.
6. Mahan W. [Rez. :] Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe / ed. M. Nodl, P. Węcowski, D. Zupka. Leiden; Boston: Brill, 2024. 391 p. // Mediaevistik. 2025. Vol. 38, no. 1. P. 143–146. URL: <https://doi.org/10.3726/med.2025.01.11>. Publication date: 01.01.2025.
7. Marxismus a Medievistika: společnéosudy? / ed. M. Nodl, P. Węcowski. Praha: Filosofia, 2020. 241 s.
8. Mühle E. Slavs in the Middle Ages between idea and reality. Leiden; Boston: Brill, 2023. 610 p.
9. Curta F. The elephant in the room. A reply to Sebastian Brather // Ephemeris Napocensis. 2013. № 23. P. 163–174.

References

1. Kluyev, AI & Sveshnikov, AV 2013, 'Osnovnyye podkhody k izucheniyu istoriotech estvennoy mediyevistiki 1920–1940-kh gg.' (Basic approaches to studying the history of domestic Medieval Studies in 1920–1940s), *Vestnik Omskogo universiteta* (Herald of Omsk University), no. 3, pp. 57–62. (In Russ.)
2. Pavlenko, OV 2023, *Panslavizm. Realnyy i voobrazhayemyy. 1830–1860-ye gg.* (Pan-Slavism. Real and Imaginary. 1830s–1860s), Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet publ, Moscow. (In Russ.)
3. Sanchuk, GE 1985, 'Velikaya Moraviya v sovetskoy istoriografii' (Great Moraviain Soviet historiography), *Velikaya Moraviya, yeyo istoricheskoye i kulturnoye znacheniye* (Great Moravia, its historical and cultural significance), ed. G. E. Sanchuk, Y. Poulik, Nauka publ, Moscow, pp. 67–81. (In Russ.)
4. Tretyakov, PN 1961, 'Novyye dannyye o Velikomoravskom gosudarstve' (New data on the Great Moravia), *Voprosy istorii* (Questions of History), no. 5, pp. 71–80. (In Russ.)
5. Betti, M 2014, *The making of Christian Moravia (858–882). Papal power and political reality*, Brillpubl, Leiden, Boston.
6. Mahan, W 2024, 'Marxism and Medieval Studies: Marxist Historiography in East Central Europe', ed. M. Nodl, P. Węcowski, D. Zupka, Brillpubl, Leiden, Boston, *Mediaevistik*, vol. 38, pp. 143–146.
7. Nodl, M & Węcowski, P (eds.) 2020, *Marxismus a Medievistika: společnéosudy?*, Filosofia publ, Prague. (In Czech)
8. Mühle, E 2023, *Slavs in the Middle Ages between idea and reality*, Brillpubl, Leiden, Boston.
9. Curta, F 2013, 'The elephant in the room. A reply to Sebastian Brather', *Ephemeris Napocensis*, no. 23, pp. 163–174.

Вклад авторов:

Юрьев К. А. – идея; сбор материала; обработка материала; написание статьи.

Ермошина Е. В. – обработка материала; написание статьи; редактирование текста.

Contribution of the authors:

Kirill A. Yuriev – idea; collection of material; processing of material; writing an article.

Elena V. Ermoshina – processing of material; writing an article; scientific text editing

---

Статья поступила в редакцию: 20.12.2025

Одобрена после рецензирования: 13.02.2026

Принята к публикации: 02.03.2026

The article was submitted: 20.12.2025

Approved after reviewing: 13.02.2026

Accepted for publication: 02.03.2026